

ПЕТЛИ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ УЗЛА.

Главы из романа (журнальная публикация)

Оригинал здесь: [Библиотека Магистра](#).

1.

В монастырском саду злобно зашипели деревья: ветер на них налетел совсем неожиданно, а старые деревья не любили ничего неожиданного; августовские сумерки ползли такие приторные, такие бархатные, - и вдруг этот ветер!

Но - ударил гром; по листьям захлестали плети дождя.

Ни ветер, ни дождь, опечалившие своею внезапностью старый сад, не вызвали, казалось, никакого живого отзвука в строгом двухэтажном здании - в глубине сада, влево от группы монастырских церквей. В течение ста сорока лет привыкло оно именоваться Большой монастырской гостиницей. Пусть же теперь жесткие, пятиминутные люди, сменившие медлительных чернецов в подрясниках и клобуках, именуют его N-ская губернская чрезвычайная комиссия... Оно и под секущими плетями дождя продолжает поглядывать на старый монастырский сад все с той же неизменившейся хмурой строгостью, словно уверяя этот старый сад в вечной неоспоримости права на свое существование. В его остановившихся зрачках-окнах не замелькали встревоженные лица, ставни не захлопали, спасая человеческий уют; и только часовой, стоявший у главного крыльца, отступил в глубину.

Зато, вправо от церквей, в Малой монастырской гостинице, а ныне: общежитии работников Губчека, произошло все по-человеческому. С ударом грома появились в окнах быстрые руки, защелкали задвижки, задернулись занавеси, - и здание точно съежилось, точно спряталось в себя же. Единственное окно во втором этаже, оставшееся незакрытым, выглядело испуганным и нелепым в своей неразумной откровенности. По спискам заведующего общежитием тов. Букова, комната с этим окном числилась за полномочным инспектором Губчека - товарищем Котляром.

Котляр был дома; сидел за письменным столом, опустив голову на поднятые руки и дверь за собою запев на ключ.

Настольная электрическая лампа, на высокой подставке, бросала тупой свет на верхушку его наклонившейся, коротко стриженной головы; свет выхватывал прижимавшиеся к виску мертвые пальцы руки и захватанный, видимо давно невымытый стакан с остатками чая. Котляр перечитывал "Дело" профессора биологии Николая Петровича Дарченкова; на обложке "Дела" была пометка: "Осведомительный Архив".

Четыре с лишним месяца назад, когда Котляр только еще принимался за свою работу в N-ской губернской чрезвычайной комиссии, он обнаружил "Дело" Дарченкова - в числе прочих, находившихся в "Осведомительном Архиве". Тогда интереса оно не вызвало. Стопка подшитых бумаг лишь говорила, что профессор проживает в городе не более года; все это время занимался безрезультатным устройством в городе биологической станции; все это время исправно получал ответственные пайки - и на себя, и на жену, и на двух молодых девиц, проживавших с ним в качестве учениц. Тут же были приложены три доноса местных обывателей: первый из них сообщал, что Дарченков занимается изучением неизвестных, но таинственных книг, по три пуда весом каждая; другой: Дарченков - колдун; и третий: Дарченков устраивает у себя неразрешенные спиритические сеансы. Еще далее были приложены протоколы обысков. При одном из обысков таинственные книги были найдены; они оказались древне-тибетскими. Дарченков на том же протоколе приложил письменное на этот счет объяснение: изучает историю Тибета.